

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Vestnik drevney istorii
76/3 (2016), 767–779
© The Author(s) 2016

Вестник древней истории
76/3 (2016), 767–779
© Автор(ы) 2016

ХАРАКТЕР ДРАКОНТОВСКОГО ЗАКОНА*

Э. Грейс

Аннотация. Статья представляет собой главу из неизданной монографии Э.Л. Грейс-Казакевич, написанной в 1960-х годах и посвященной ряду аспектов древнегреческого права. В данной статье рассматривается закон Драконта об убийстве, причем акцент делается на проблеме статусов преступника и жертвы. Исследовательницу прежде всего интересует то, какое обращение предусматривалось законом по отношению к лицам, не являвшимся гражданами (метекам, ксенам, рабам).

Ключевые слова: древнегреческое право, Афины, Драконт, закон об убийстве, метеки, ксены, рабы

THE CHARACTER OF THE DRACONIAN LAW

E. Grace

Abstract. It is a Russian translation of a chapter from the unpublished monograph by E. Grace (Kazakevich) “Slave and Free Non-Citizen Offenders in Attic and Platonic Homicide Law” written in the 1960s. The chapter deals with the Draconian law on homicide, and specially accentuated is the problem of statuses of offender and victim. The author is interested mainly in what treatment the law suggested regarding persons of non-citizen statuses (metics, *xenoi*, slaves).

Keywords: ancient Greek law, Athens, Dracon, homicide law, metics, *xenoi*, slaves

От переводчика

Данный текст представляет собой перевод первой главы первой части англоязычной монографии Э.Л. Грейс-Казакевич «Преступники из числа рабов и свободных не-граждан в аттическом и платоновском праве, относящемся к убийству» (“Slave and Free Non-Citizen Offenders in Attic and Platonic Homicide Law”), которая полностью никогда не была опубликована (рукопись, — точнее, оригинал, — представляет собой машинопись, которая хранится в редакции ВДИ). Ранее другая глава этой книги (а именно, третья глава той же первой части), уже публиковалась на страницах нашего журнала, подготовленная и переведенная Л.В. Семенченко¹.

Подчеркнем, что данная работа представляет собой именно монографию, а не сборник статей Э.Л. Грейс, которые в 1950–60-е годы (затем также и в 1970-е)

* Публикация, перевод с английского и вступление И.Е. Сурикова.

¹ Grace 1992–1993.

выходили в ВДИ и других изданиях. Естественно, материал этих статей в значительной степени использовался ею при подготовке настоящего исследования, но в целом это — именно отдельное исследование, имеющее самостоятельную ценность.

К концу 1960-х годов оно было завершено². Приводим выдержки из письма Э.Л. Грейс Яну Печирке (оно в оригинале также написано на английском языке, перевод наш), датированного 27 июля 1969 г.:

«Я посылаю Вам свое исследование аттического и платоновского права, трактующего об убийстве (включающее обращение с убийцами не-гражданского статуса), поскольку надеюсь когда-нибудь получить от Вас ее критику. Пожалуйста, не подумайте, что я хотела бы как-то Вас обременить. Мне нужна *только*³ критика, и я ее не “ожидая”, а только надеюсь на нее, — может быть, когда-нибудь. Я заверяю Вас, что уже сама возможность представить что-то написанное мной на Ваше рассмотрение является удовольствием для меня.

Работу придиричиво читали (на очень несовершенном русском) мои здешние коллеги. Я слышала как похвалы, так и критику от моего начальника⁴, с которым, я думаю, Вы знакомы; но всё это было почти так же беспомощно, как если бы исходило от меня самой. Говоря “беспомощно”, я имею в виду, что он — не в большей степени юрист, чем я. Он сетовал на чрезмерную длину моих предложений⁵, и я заранее прошу у Вас прощения за нее. Как я ни стараюсь, — а я очень стараюсь, — они растут и растут. Кажется, у меня есть непреодолимая страсть набивать фразу новыми и новыми идеями, как белка набивает свои щеки орешками, и я не могу остановиться. Что более существенно, его не убеждают мои доводы, согласно которым слово “некто” применительно к убийце⁶ в классическую эпоху на самом деле не применялось к кому угодно, т.е., полагает он, к не-гражданам это слово тоже могло относиться; его идея заключается в том, что, пусть, вероятно, возможно, изначальный драконтовский закон имел в виду только граждан и именно поэтому закон рассматривался как сакральный и т.п. и преспокойно оставался без изменений даже в классическую эпоху — в эту эпоху слово *tis* могло быть и было переосмыслено, так что стало относиться и к убийце из не-граждан. Своя логика в этом есть (хотя она не учитывает, что статус *tina*, когда он не был гражданином, *указывался*, и уже с очень раннего времени), но что-то заставляет меня считать такую логику современной. Конечно, закон *могли* переосмыслить подобным образом. Но я не думаю, что это действительно было сделано. Я полагаю, что до конца своего подлинного существования полиса его граждане продолжали издавать законы для себя и о себе — главным образом; а также, что доступ к судам был открыт, как говорит Аристотель (косвенно, но принцип ясен), только для граждан. Прочие лица допускались в них только по особым договоренностям. Сфера морской торговли и исков,

² В машинописном отчете отдела истории древнего мира и средних веков за 1969 г. имеется запись: «Закончена и представлена на обсуждение в сектор монография Э. Казакевич “Рабы и свободные чужеземцы в Законах (sic. — И.С.) Платона и в аттическом законодательстве”, 16 а.л.», далее в том же документе приведена аннотация исследования (информация любезно предоставлена нам С.Г. Карпюком, которому мы глубоко благодарны за то, что он побудил и, так сказать, подтолкнул нас к переводу данного текста Э. Грейс). Имеется в виду, не приходится сомневаться, ровно та же самая монография, о которой идет речь (хотя, как видим, в итоге она получила несколько иное название).

³ Здесь и далее в письме и статье курсив автора.

⁴ Сергей Львович Утченко.

⁵ Это действительно бросается в глаза буквально во всех работах Э.Л. Грейс. Даже и в данном письме такая же черта — налицо.

⁶ Тут следует ссылка на пассаж из второй части рукописи монографии.

относящихся к ее участникам, является, как я отмечаю (вне сомнения, *ad nauseam*⁷), главным исключением (в IV в. до н.э.) из этого правила. Вот практически всё, что я могу в данный момент сказать об этом. Если у Вас найдется время прочесть работу, Вы лучше поймете, что я имею в виду. Дело в том, что это, конечно, ключевой вопрос для всей темы, и то, что я пишу о нем, возможно, является просто чепухой, такой чепухой, какую может выдать только тот, кто реально не знает права (если бы работу увидел Мозес⁸, я уверена, что он отправил бы меня изучать *элементарные* правовые нормы, да и всё тут; и, я подозреваю, это бы мне не помешало).

Что еще? Множество вещей, но Вы их поймете гораздо лучше, чем я могу тут рассказать. Все-таки у меня есть своя собственная, особая точка зрения...⁹

Я должна также извиниться за состояние рукописи. Ее печатали разные лица (лично я — до с. 54 части I)¹⁰ за очень короткий срок. Указатель еще не готов. У меня не было времени подготовить список сокращений или цитируемой литературы...¹¹ Я транскрибировала греческие слова латиницей чаще, чем хотелось бы, в частности, для того, чтобы сэкономить время. Я не уверена в правильности перевода слова *kakourgoi* через “*evildoers*” (“злодеи”)¹². В самом начале я подумывала о переводе “*malefactors*”, но решила, что это будет просто уходом от проблемы посредством использования латинизма, к тому же, я считаю, это породит неверные ассоциации в английской правовой терминологии. Наконец, я планировала сделать единую пагинацию, но достичь этого оказалось невозможно, поскольку печатали разные лица. Самое последнее: у меня не было времени вторично выверить ссылки. Господь знает, что с ними творится после всех этих перепечаток...»

Кстати, нельзя не отметить: Э. Грейс сама в этом письме признаётся (фактически кается) в том, что никак не может удержаться от изложения своих мыслей очень длинными, запутанными по синтаксису фразами. Это действительно одна из главных особенностей ее авторского стиля — и притом такая особенность, которая затрудняет и перевод ее англоязычных работ на русский, и восприятие их читателями. Мы, разумеется, данную черту сохранили, разве что ликвидировали встречающиеся анаколуфы (у Грейс подчас не обходилось и без них — именно из-за пристрастия к колоссальным предложениям).

⁷ Интересная игра слов. *Ad nauseam* — «с отвращением». Но первое значение слова *nausea* — «тошнота от морской болезни», так что не случайно Э.Л. Грейс употребила именно это слово, говоря о морских исках.

⁸ М. Финли.

⁹ Далее — пассаж, в котором Э.Л. Грейс завуалированно намекает, что она сочувствует чехам и словакам в связи с известными событиями 1968 г.

¹⁰ Номер части специально оговаривается, поскольку во второй части монографии Э.Л. Грейс («Платоновское право») пагинация начинается заново. Данное замечание ценно для нас тем, что из него видно: тот текст, который публикуется здесь (с. 2–10 первой части рукописи), напечатан на пишущей машинке самим автором.

¹¹ Увы, отсутствие таких списков действительно является серьезным техническим недостатком работы. Далее Э. Грейс в письме расшифровывает некоторые из использовавшихся ею сокращений и попутно дает очень высокую оценку книге Д. Макдауэлла (MacDowell 1963): «Вы знакомы с ней? Отличная маленькая вещица, в ней нет ни одной сноски, однако имеется всё необходимое, и она очень вразумительна. Боюсь, никто и не подозревает, какое у меня высокое мнение об этой работе». Уже позже Д. Макдауэлл был признан одним из крупнейших в мире специалистов по древнегреческому праву.

¹² *Kakourgoi* — в афинском праве обозначение особой категории преступников (под нее попадали в основном воры и грабители). Дословно термин действительно означает «злодеи»; так и мы его передаем в своем переводе речей Антифонта (Antiphon 2015).

Необходимо оговорить, что исследовательницу в связи с законодательством об убийствах интересовало практически исключительно то, как трактуются в соответствующих уложениях убийства, совершенные лицами, которые не имели статуса граждан. Ведь именно проблемам, связанным с такими лицами, посвящена ее книга.

Со времени написания данного текста появилась, естественно, новая литература, посвященная закону Драконта. Здесь, разумеется, не место давать ее исчерпывающий перечень, но все-таки укажем несколько важнейших исследований – монографии Р. Страуда, М. Гагарина, Э. Каравана¹³. В отечественной историографии Драконтом занимались Л.А. Пальцева¹⁴ и автор этих строк¹⁵.

Пожалуй, имеет смысл оговорить еще один момент. Э. Грейс из античных источников особенно часто ссылается (не только в этой работе, но и практически во всех) на речи оратора Антифонта. И это более чем естественно: все сохранившиеся сочинения этого автора посвящены одной тематике, связанной с убийствами, законодательством о них, судами над убийцами. Соответственно они являются ценнейшим источником по соответствующей сфере древнегреческого права. Когда Э.Л. Грейс трудилась над своей монографией, русского перевода Антифонта еще не существовало, да он и до совсем недавнего времени оставался, кажется, последним крупным писателем классической эпохи, не переведенным в нашей стране. Но вот теперь наконец перевод его речей появился¹⁶, и к нему может обратиться читатель, которого заинтересует то или иное свидетельство данного оратора, упоминающееся в публикуемом ниже исследовании.

И.Е. Суриков

Литература / References

- Antiphon 2015: *Rechi. Vstupitel'naya stat'ya, perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy I.E. Surikova* [Speeches. Introduction, translation from Ancient Greece and commentaries by I.E. Surikov]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1 (292), 228–253; 2 (293), 243–268; 3 (294), 250–261.
- Антифонт. Речи. Вступительная статья, перевод с древнегреческого и комментарий И.Е. Сурикова. *ВДИ* 1 (292), 228–253; 2 (293), 243–268; 3 (294), 250–261.
- Carawan, E. 1998: *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford.
- Gagarin, M. 1981: *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven.
- Grace, E. 1992–1993: Ksen, obvinenny v ubiystve po afinskomu pravu [The “altogether” xenos as killer]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (203), 28–46; 1 (204), 25–39.
- Грейс, Э.Л. 1992–1993: Ксен, обвиненный в убийстве по афинскому праву. *ВДИ* 4 (203), 28–46; 1 (204), 25–39.
- MacDowell, D.M. 1963: *Athenian Homicide Law in the Age of the Orators*. Manchester.
- Pal'zeva, L.A. 2007: K voprosu o sostave zakonodatel'stva Drakonta [The contents of law code of Drakon]. *Mnemon* 6, 195–210.
- Пальцева, Л.А. 2007: К вопросу о составе законодательства Драконта. *Мнемон* 6, 195–210.
- Stroud, R.S. 1979: *The Axones and Kyrbeis of Drakon and Solon*. Berkeley.
- Surikov, I.E. 2004: *Problemy rannego afinskogo zakonodatel'stva* [Problems of early Athenian law-making]. Moscow.
- Суриков, И.Е. 2004: *Проблемы раннего афинского законодательства*. М.
- Surikov, I.E. 2008: Eshche raz o zakonodatel'stvakh Drakonta i Solona v Afinakh (Polemicheskie zametki). Chast' I [Once again on Drakon's and Solon's legislations in Athens (Polemical notes). Part I]. *Iz istorii antichnogo obshchestva* [From the history of antique society] 11, 5–25.
- Суриков, И.Е. 2008: Еще раз о законодательствах Драконта и Солон в Афинах (Пolemические заметки). Часть I. *Из истории античного общества* 11, 5–25.

¹³ Stroud 1979; Gagarin 1981; Carawan 1998.

¹⁴ Pal'zeva 2007.

¹⁵ Surikov 2004, 25–52; 2008.

¹⁶ Antiphon 2015.

ХАРАКТЕР ДРАКОНТОВСКОГО ЗАКОНА*

Э. Грейс

Обвинения в убийстве подавались в один из трех главных судов, разбиравших дела об убийствах (τὰ φονικὰ δικάστηρια: Demosth. XXIII. 63), в зависимости от того, обвинялось ли лицо в умышленном убийстве (Ареопаг), в неумышленном убийстве (Палладий) или же, признавая сам факт убийства, оно утверждало, что это действие было законным либо оправданным (Дельфиний). Вопрос статуса эксплицитно вторгается в эту классификацию только в случае с судом Палладия, в компетенцию которого входили, помимо лиц, обвиняемых в неумышленном убийстве (а также в «планировании» убийства¹), также лица, обвиняемые в убийстве рабов, метеков или иноземцев (*xenoi*)². Статус убийцы (насколько нам известно) законом вообще не уточнялся, и в тех делах, разбиравшихся Палладием, в которых жертвой являлся не-гражданин, кажется, не различались типы убийства — умышленное или неумышленное³.

Закон и предусмотренные им процедуры применительно к незаконному убийству проникнуты двумя принципами: что убитый требует отмщения и что убийца осквернен, причем его оскверненность заразна — в том смысле, что он может осквернить всю гражданскую общину⁴. С первым принципом связана практика — или даже правило, в чем Макдауэлл сомневается⁵, — ограничения права и обязанности возбуждения иска одними лишь родственниками жертвы, до определенной степени родства; *dike phonou* — это частная кровная месть, поставленная под контроль государства. Когда жертвой был раб, это право получал его *despotes* и родственники последнего, до той же самой определенной степени родства⁶. Как отмечали сами античные авторы, подобная ситуация, похоже, препятствовала наказанию хозяина, убившего своего собственного раба, хотя такое деяние, несомненно, оскверняло убийцу (Antiph. IV. 4; ср. Plat. Leg. 868a; Isocr. XII. 181). Считалось, что каждый, независимо от своего статуса, становился оскверненным

* Примечания в статье даны по стандартам ВДИ, список литературы составлен также нами. — И.С.

¹ См. MacDowell 1963, 64–69.

² Arist. *Ath. pol.* 57. 3. Применительно к конкретным случаям см. Isocr. XVIII. 52–54; Demosth. XLVII. 70 (в обоих случаях жертвами, реальными или гипотетическими, являются рабы); Demosth. LIX. 9–10 (здесь, однако, статус жертвы — рабыня она или из метеков — не разъясняется). Только в последнем случае обозначено наказание: в случае признания обвиняемого (гражданина) виновным он приговаривается к изгнанию («или» к *atimia*: см. исправление, предложенное Gernet 1960, 73). Ср. Bekk. *Anecd.* p. 194, 11: наказанием за убийство метека является φυγή. Если оставить в стороне пассаж Demosth. LIX. 9–10, наказание за убийство (чужого) раба упоминается только в одном сохранившемся тексте: Lycurg. *In Leocr.* 65; из него можно заключить, что во второй половине IV в. до н.э. это преступление каралось — или, точнее, этот ущерб возмещался — выплатой денежного штрафа, или компенсации, хозяину раба (ср. Plat. Leg. 865c, 858a).

³ MacDowell 1963, 65, 69.

⁴ MacDowell 1963, 3; Adkins 1960, 88 ff., 112, n. 22.

⁵ MacDowell 1963, 17 f., 21 f., 94 f.

⁶ См. Demosth. XLVII. 70–72. Я не могу согласиться с Макдауэллом (1963, 20) в том, что τοῦτων в § 72 относится к родственникам жертвы-рабыни.

после неоправданного или незаконного кровопролития. Таким образом, граждане и государственные власти были неизбежно заинтересованы в том, чтобы устранить скверну кровопролития, каков бы ни был ее источник. В некотором смысле предмет нашего исследования определяется этим древним верованием, поскольку мы занимаемся вопросом о том, как афиняне очищали свой город от скверны, порожденной убийцей, который хотя и не являлся членом их общины, все-таки контактировал с ней.

В своем изначальном облике закон Драконта об убийствах, похоже, не проводил никакого различия между многочисленными статусами, касалось ли то жертвы или убийцы. Во введении к V речи Антифонта «Об убийстве Герода» К.Дж. Мейдмент замечает, что *dike phonou* «была, в сущности, местным институтом», «ограниченным в своем применении», изобретенным общиной архаической Аттики для убийств, совершаемых в среде ее членов, не предназначенным и не приспособленным для преследования преступников, не принадлежащих к гражданам⁷. Когда афинская община вплотную занялась урегулированием частной (родственной) кровной мести, растущий коллектив граждан представлял собой не правящее меньшинство, как было в большом и разнообразном населении Аттики классической эпохи, а фактически весь корпус гораздо меньшего по размеру населения, в рамках которого статусное неравенство еще не имело точного правового определения и – в той мере, в какой оно существовало, – существовало в основном внутри домохозяйства гражданина.

Эта «местная» ситуация, кажется, отражена в некоторых чертах уголовных и, более косвенно, классификационных определений в праве, каким мы его обнаруживаем в классическую эпоху, когда афинская структура статусов стала гораздо более сложной. Например, такое наказание, как изгнание, предписывалось для лиц, признанных виновными в неумышленном убийстве, а лицам, обвиняемым в умышленном убийстве, дозволялось уйти в (пожизненное) изгнание, не ожидая приговора суда. Находиться в изгнании (φεύγειν) означало быть оторванным от собственного полиса, от всего, что до того обуславливало социальное существование лица. Подобный приговор, исходил ли он от суда или от самого лица, мог иметь полное значение в качестве наказания, да и вообще какой-либо реальный смысл, только применительно к преступнику-гражданину⁸. Далее присутствие в законе не-граждан только в качестве жертв и отнесение связанных с ними процессов, независимо от категории убийства, только к одному суду – Палладию – хотя и демонстрируют некое признание расширения структуры статусов, но уже самой своей односторонностью предполагают запоздалое включение пунктов, относящихся к лицам этих статусов, а не к их реальной интеграции в право как таковое. Вполне признавая справедливость предостережения Макдауэлла против попыток реконструировать раннюю историю данного закона⁹, считаем достаточным и необходимым предположение, что расширение действия закона на тех жертв убийства,

⁷ Maidment 1941, 151 f.

⁸ О том, что изначально закон предполагал, что и жертва должна быть афинянином, можно заключить из условий, требовавшихся для возвращения из изгнания человека, осужденного за неумышленное убийство: его должны были простить все родственники убитого до определенной степени родства или, если никого из них не было в живых, члены фратрии убитого (IG. I². 115. 13–18; MacDowell 1963, 117–120, 123–125). В связи с использованием в законе слова φεύγειν см. Demosth. XXIII. 72 (в IG. I². 115. 11 оно восстанавливается). В законах Платона об убийствах это слово не применяется к изгнанию, налагаемому на *xenoi*. Ср. Lys. III. 38, 40, 42 (τῆς πατρίδος φυγῆν).

⁹ MacDowell 1963, 6 f.

которые не являлись гражданами (хотя, похоже, осталась неизменной презумпция, согласно которой убийца, — а именно на него обращают внимание пункты закона, имеющие отношение к наказанию, — является гражданином), стало результатом важных изменений в социальном составе общины, которая с самого начала пыталась урегулировать кровную месть в среде своих членов.

В результате прежде всего экономического развития отношения между членами общины как таковыми и их рабами претерпели особенно радикальное (поскольку органичное) изменение: то, что ранее являлось внутренним, семейным элементом, начало во всё большей степени становиться внешним, объективным, отчужденным, превращаться в отдельную социальную группу. Впрочем, оно так никогда и не стало вполне внешним, ибо в классическую эпоху еще сохраняются следы того, что было, кажется, более ранним «семейным» отношением к рабу. Право хозяина или его родственников возбудить процесс против убийцы его раба, которое в речи Демосфена XLVII обозначено как взятое «с камня», — это, вероятно, один из таких следов, равно как и право раба свидетельствовать на суде по делу об убийстве, хотя в таких случаях не всегда легко сказать, где кончается святость традиции и начинается отражение современных автору взглядов¹⁰.

Последние, особенно взгляды на раба, как они отражены в не имеющем отношения к философии обмене мнениями на рынке и в суде, сами по себе могут объяснить включение рабов-жертв в формулировки закона. Литература классической эпохи оставляет довольно сильное впечатление о том, в каком свете афинские деловые люди видели собственных и соседских рабов: как ценное, годящееся для продажи имущество, как источники дохода для самих себя и компрометирующей информации в пользу или во вред противной стороне в тяжбе. Когда эти интересы начали остро ощущаться, если в законе еще не было точных формулировок относительно судебного преследования за убийство рабов, такая формулировка, похоже, должна была быть добавлена; да и развивавшиеся торговые интересы должны были привести к такому же результату в тех случаях, когда речь шла о жертвах не из числа граждан.

Во всяком случае, ввиду несовершенства закона (в том виде, в каком мы его имеем) применительно к не-гражданину — все дела, в которых жертвой убийства являлся раб, метек или *xenos*, включались в юрисдикцию Палладия, причем не делалось никакого различия в связи с категорией преступления, и при рассмотрении этого феномена в совокупности с «местным» представлением о том, что статус убийцы, предстающего перед этим или любым другим из судов (а также, похоже, в нормальных случаях статус лица, обвиняемого в убийстве, см. прим. 8), не нуждался в определении, — неизбежным кажется вывод, что убийства не-граждан были добавлены в юрисдикцию Палладия в какой-то момент уже после первоначального принятия закона. Дела, в которых жертвами являлись рабы, возможно, были прибавлены раньше, чем остальные, поскольку их связь с законодательным органом была более древней и тесной; по крайней мере, в IV в. до н.э. юрисдикция

¹⁰ См. Morrow 1940, 83 ff.; Gernet 1958, CXXVII; 1955, 151–155. С точки зрения Жерне, преобладающим принципом в аттическом, как и в платоновском праве был тот, согласно которому раб являлся «вещью». Однако через свои религиозные связи с семьей, «*en marge du droit*», и особенно в законах об убийствах, раб становится «*une personne*» (Gernet 1958, CXXII). К двум вышеупомянутым правам можно добавить традиционное табу на кровопролитие в частной сфере, включавшее и пролитие крови раба (Isocr. XII. 181), а также «отеческий» обычай, упомянутый у Антифонта (V. 48) и предписывающий наказание раба, который сам виновен в кровопролитии.

Палладия в области таких дел считалась частью драконтовской традиции¹¹. Но добавка относительно всех этих типов процессов была, возможно, сделана гораздо раньше середины V в. до н.э., поскольку представляется крайне маловероятным, что, коль скоро не-граждане, особенно метеки, стали после этого подпадать под действие закона об убийствах в качестве жертв, они не подпадали под его действие в явной форме в качестве убийц. Платон, сочинивший свой закон об убийствах в зрелую классическую эпоху, когда рабы, метеки и другие иноземцы признавались неизбежной принадлежностью любого развитого полиса, даже идеального, позаботился о том, чтобы включить их в закон в обоих этих качествах – действие, которое, как, надеюсь, можно продемонстрировать, повело его к значительной перестройке его аттической модели.

С чисто логической точки зрения, афинский закон об убийствах не содержал прямого признания возможных вариаций статуса ответчика, и последствием этого, говоря в общем, должно было стать следующее: (а) либо под предусмотренные законом наказания и процедуры, как они описаны в речи против Аристократа (Demosth. XXIII. 22–85) или в Аристотелевой главе об обязанностях архонта-басилея (Ath. pol. 57. 2–4), имплицитно подпадали ответчики всех статусов, – например, не-граждане, как и граждане, представляли перед тем или иным судом по делам об убийствах в зависимости от категории преступления, в котором они обвинялись, естественно, кроме тех случаев, когда их жертвы тоже были не-гражданами; (б) либо убийца, не имевший статуса гражданина, не рассматривался драконтовским законом и, кроме случаев, относительно которых существовали особые договоры или декреты, не подпадал под юрисдикцию любого из особых судов по делам об убийствах, – то есть его преступление рассматривалось и наказывалось другими способами и иными органами власти.

Главная трудность в выборе между вариантами (а) и (б) заключается, конечно, в том, что мы не располагаем необходимыми свидетельствами – ни достоверным текстом аттического закона, ни достаточно ясными примерами процессов с участием преступников, не являющихся гражданами, – на которых можно было бы основать надежные выводы. Подобная ситуация побудила кое-кого (например, Жерне и Морроу) искать дополнительную поддержку для варианта (а) в законе Платона, в частности, в том его месте, где упоминаются рабы, – в формулировках платоновского закона об умышленном убийстве (Plat. Leg. 871–872b). Однако некоторые соображения, которые будут в деталях приведены ниже, делают это решение проблемы неудовлетворительным, – начиная с того факта, что в мерах,

¹¹ См. Demosth. XLVII. 70–71. Дж. Оливер предположил, что официальное учреждение категории метеков следует связывать с реформами Клисфена. Эта гипотеза основывается в значительной степени на смелой и, на мой взгляд, не лишенной вероятности интерпретации пассажа Arist. Pol. 1275b 32–37, особенно формулировки πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσεν... μέτοίκους – «ведь он включил многих иноземцев и рабов в сословие метеков» (Oliver 1960, 503 ff.). Подобный шаг должен был, естественно, являться результатом, а не предпосылкой периода бурного развития торговли и поощрительных мер для переселения иноземцев в Афины, которые были начаты Солоном и продолжены при Писистрате. Около того же времени, примерно за десятилетие до Марафона, началось преобразование должности полемарха из магистратуры в основном военной в магистратуру в основном судебную, имеющую юрисдикцию в области правовых споров, затрагивающих метеков (Lipsius 1915, 63–65; ср. Oliver 1960, 505). Самые ранние случаи употребления термина μέτοικος в сохранившихся аттических источниках относятся к середине V в. до н.э.: Aeschyl. Suppl. 609; IG. I². 188. 52 (см. Lewis 1961, 62; Harrison 1971, 187, n. 2).

предписываемых этой и другими частями платоновского закона об убийстве, убийца, не являющийся гражданином, эксплицитно принимается в расчет, в то время как наши даже наиболее полные и авторитетные источники о законе Драконта хранят полное молчание по этому вопросу. Опасность почерпывания сведений из умолчания в данном случае ослабляется специальным упоминанием (Arist. Ath. pol. 57. 3) не-граждан как жертв убийства, которое позволяет предположить, что лица упоминаемых здесь категорий рассматривались законом только в качестве жертв. Представляется ничуть не удивительным отсутствие определения гражданского статуса как преступника, так и жертвы, поскольку – помимо того факта, что афиняне часто (вероятно, обычно) принимали только те законы, которые касались их самих (см., например: Demosth. XXIV. 59 = XXIII. 86), регулируя свои правовые отношения (не считая сферы морской торговли) с метеками и другими иноземцами или через полемарха, или посредством договора и, как правило, игнорируя рабов, – этот особенный и, согласно традиции, очень древний закон имел в виду кровопролитие только среди своих, τὸ ἐμφύλιον αἵμα (Plat. Resp. 565e).

Попытка принять альтернативу (б) ставит новые вопросы. Предположив, что убийцы, не имевшие гражданского статуса, оставались за пределами юрисдикции драконтовского закона, мы должны считать, что их преступления разбирались каким-то способом, благоприятствующим большей безопасности гражданской общины, на жизнь и интересы членов которой они влияли различным образом. Хотя метек и не интегрировавшийся свободный иноземец (платоновский ξένος παντάπασιν) были в равной мере чужаками по отношению к суверенному коллективу граждан, в своем отношении к нему и к другим коллективам они также существенно отличались друг от друга, и регулирование их контактов с афинянами приобретало, соответственно, разные правовые формы. Даже раб как таковой – и в самой сущности этого своего качества – не представлял гомогенной группы по отношению к остальному населению Аттики. Как с ним быть, если он становился убийцей, – имеются в виду степень и вид государственного вмешательства для обеспечения наказания – это вполне могло зависеть от того, чьим рабом он являлся (гражданина, метэка или «полного» иноземца). Еще одна «переменная», похоже, влиявшая на обращение с не-гражданином (она, как известно, влияла и на обращение с преступником из граждан), подозреваемым в убийстве, – это статус жертвы; в частности, имело значение, была ли последняя гражданином или нет. Пролитие крови гражданина (и даже вероятно, крови раба, принадлежащего гражданину) могло расцениваться как имеющее иные правовые последствия по сравнению с теми случаями, когда жертва тоже была иноземцем. Наконец, процедуры, принятые для процессов, в которых либо преступник, либо жертва являлись «полными» иноземцами, часто могли подвергаться влиянию межполисных договоров того типа, который регулировал дела, порожденные ущербом различного типа, в том числе и убийством, нанесенным лицами из одного полиса лицам из другого (так называемые δίκαι ἀπὸ συμβόλων): или, опять же, в отдельных случаях могли рассматриваться *inter alia* только потенциальные жертвы убийства, с помощью особых судебных привилегий, которые давались почетным *xenoi*¹².

¹² См. Ste. Croix 1961, 109 (надписи о συμβολαί, приводимые в группах 2 и 4); Demosth. XXIII. 89; MacDowell 1963, 126–128. Также см. надписи, приводимые в Ste. Croix 1961, 275 f.; постановления, дарующие отдельным иноземцам такую привилегию, как τιμωρία (в случае убийства чествуемого лица) – «как если бы был убит афинянин», – формулировка, которая предоставляет иноземцу, ставшему жертвой убийства, статус наибольшего благоприятствования. Ср. Lipsius 1915, 605, n. 17; Demosth. XXIII. 23–24. См. также Hopper 1943.

При имеющемся состоянии источников мы, видимо, не должны надеяться на то, что возможно реконструировать процедуры, с помощью которых убийц привлекали к ответственности при всех этих разнообразных обстоятельствах. Мы даже не можем быть уверены, что в случаях с убийцами и жертвами (не-гражданами) самых низких статусов имелись какие-то установленные правила, которые можно восстановить.

Предположим, например, что в Пирее, в какой-нибудь расположенной близ гавани гостинице или таверне, часто посещаемой проезжими иноземцами, один из них убил женщину неопределенного происхождения и статуса. Кто будет иметь право и обязанность мстить за ее смерть и кто захочет за это браться, и какому магистрату будет подан иск? Даже если окажется, что жертва была занесена в списки метеков, ответ на последний вопрос найти непросто. Юрисдикция полемарха в области частных процессов с участием метеков (Arist. Ath. pol. 58. 2–3), очевидно, не имела отношения к делам, когда метеки были жертвами убийства, поскольку такие дела, как мы знаем, рассматривались судом Палладия и подпадали под юрисдикцию базилея, да и то только (как я считаю) в случае, если обвиняемый был афинянином. Если мы в нашем гипотетическом процессе переместим роли тяжущихся сторон и если иноземка (в данном случае жертва) подпадала под договор между своим городом и Афинами, регулирующий $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\ \alpha\pi\omicron\ \sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omicron\upsilon$, тоже нелегко подыскать юрисдикцию для такого дела, поскольку обе стороны в процессах, регулируемых подобными договорами (и в IV в. до н.э. представлявшихся на рассмотрение фесмофетов – Arist. Ath. pol. 59. 6), в норме были гражданами своих государств¹³.

По контрасту, имеющаяся в нашем распоряжении информация о рабах, обвиняемых в убийстве, выглядит на первый взгляд сравнительно обильной главным образом благодаря одному пассажиру из речи Антифонта об убийстве Герода. Но это свидетельство касается только дел, в которых убитый либо был афинянином, либо в подобной тяжбе рассматривался судами как равный с афинянином из-за особых договоров или постановлений. В общем, следует сказать, что для всех дел об убийствах, кроме тех, в которых по меньшей мере одна из сторон была представлена гражданином, у нас вообще нет свидетельств о том, как убийца привлекался к ответственности; а о том, как обращались с не-гражданином, обвиненным в убийстве гражданина, информации очень мало, да и ее трудно интерпретировать.

История наложницы Филонея в речи Антифонта против мачехи, если рассматривать эту историю как процесс об убийстве, может быть привлечена как имеющая отношение к проблеме убийцы не-гражданского статуса, хотя из-за неясности с точным правовым положением наложницы – была ли она свободной или рабыней, иноземкой или афинской уроженкой – сложно избежать зыбкого пути порочного круга в аргументации. Например, как уже отмечалось, законность ее казни без суда за причинение смерти двум гражданам не ставится под сомнение говорящим (который в данный момент обвиняет свою мачеху в подстрекательстве к этому преступлению), хотя в его интересах было поставить это под сомнение, если имелась

¹³ См. Ste. Croix 1961, 94; Maidment 1941, 215, n. d; ср. Gomme 1950, 237; Harpocr. s.v. $\sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\alpha$; Lipsius 1915, 66 (Гомм включает в эту юрисдикцию метеков, но, как мне кажется, с недостаточными основаниями). Что касается юрисдикции полемарха в отношении «частных исков с участием метеков» ($\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\ \dots\ \dot{\iota}\delta\iota\alpha\iota\ \dots\ \alpha\acute{\iota}\ \tau\omicron\iota\varsigma\ \mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota\varsigma\ \gamma\iota\gamma\nu\omicron\mu\epsilon\nu\alpha\iota$: Arist. Ath. pol. 57. 2), вне зависимости от того, следует ли понимать $\tau\omicron\iota\varsigma\ \mu\epsilon\tau\omicron\iota\kappa\omicron\iota\varsigma$ как обозначение ответчиков, или истцов, или либо тех либо других (см. анализ вопроса у Гаррисона), представляется априори вероятным, что одной из сторон в процессе должен был быть афинянин: Lipsius 1915, 66; Busolt, Swoboda 1920, 1094; Harrison 1971, 194 f.

такая возможность. Если посмотреть на проблему с точки зрения ее отношения к драконтовскому закону, можно только на этом основании сделать вывод, что эту наложницу ее окружение не признавало дочерью гражданина. Тогда остается вопрос: посчитав ее убийцей, с ней обращались как с женщиной из метеков или как с рабыней? Что касается способа ее казни, приходит на ум, казалось бы, убедительная параллель из речи по делу Герода – заявление обвиняемого на этом процессе, что раб, убивший своего хозяина, передается родственниками жертвы органу государственной власти (τῇ ἀρχῇ) для казни (Antiph. V. 48). Соблазнительно сделать следующий вывод: наложница Филонея, должно быть, *de facto* являлась его рабыней. Но пока мы не можем установить, что (а) если она была по статусу метеком, ее нужно было судить, стало быть, она должна была быть рабыней, или (б) орган государственной власти, в который направлялся раб (или рабыня), подозреваемый в убийстве своего хозяина, имел законную обязанность представить раба в суд перед тем, как казнить его, и, следовательно, наложница не могла быть рабыней, – лучше не поддаваться соблазну вывести какое-либо надежное заключение из параллели между пассажами Antiph. I. 20 и Antiph. V. 48.

Опять же, Липсиус в своем фундаментальном труде об аттическом праве останавливается на правовом положении этой наложницы по двум поводам, совершенно отличным друг от друга. В одном случае, противопоставляя обращение с ней как с отравительницей обращению с другой женщиной, обвиненной в очень похожем преступлении (это дело описано Аристотелем: Magn. Mor. I. 16. 2. 1188b), Липсиус объясняет разницу, отмечая, что наложница Филонея являлась «вероятно, рабыней»¹⁴. Элемент неясности, едва-едва заметный в мнении, высказанном им здесь («wohl Sklavin»), значительно возрастает в его замечании о том же деле, содержащемся в другом месте, в связи с *basanos*. Здесь¹⁵ Липсиус называет наложницу Филонея одним из лишь двух известных из источников примеров (другой – это ἐλεύθερος в Antiph. V. 49), подразумевающих, что в делах об убийствах разрешалось приводить показания, полученные путем допроса свободных граждан под пыткой: «da die παλλακὴ des Philoneos... nicht Sklavin gewesen sein muss»¹⁶. Мы действительно стоим на зыбкой почве. Без второго приведенного Липсиусом примера (Antiph. V. 49) она была бы еще более ненадежной ввиду ясно выраженной неопределенности, о которой говорит Липсиус в связи со статусом наложницы. Жерне, вполне убежденный в том, что наложница Филонея также должна была являться его рабыней, даже поставил под вопрос аутентичность слова ἐλεύθερος в тексте (Antiph. V. 49), поскольку, как он указывает, источники в иных случаях фактически единогласно указывают, что только показания рабов, предоставляемые суду в частноправовых процессах, получали подобным образом¹⁷.

¹⁴ Lipsius 1915, 608, n. 29. На с. 126 он называет ее просто «рабыней», без комментариев.

¹⁵ Lipsius 1915, 895, n. 122.

¹⁶ «Таким образом, παλλακὴ Филонея... должно быть, не являлась рабыней» (перевод И.Е. Сурикова).

¹⁷ Gernet 1965, 122, n. 4 (в связи с пассажем: Lys. III. 33, который Жерне тут приводит как «неясный» случай); см. также в примечаниях к тексту: «ἐλεύθερος susp. habeo». Однако удаление выражения ὁ δὲ ἐλεύθερος из одной части предложения неизбежно влечет за собой удаление ὁ μὲν δοῦλος из его другой части, а также и дальнейшие коренные изменения в первом предложении параграфа 50 данной речи Антифонта. Мы не знаем, кем был этот свободный (Мейдмент заключает, что он, должно быть, не являлся греком: Maidment 1941, 180, n. c). Возможно, имеет значение, что его отправили на колесо не в Афинах, а в городе, являвшемся подданным *arche*, равно как и то, что его допрашивали в связи с

Вопрос о статусе наложницы встал перед Липсиусом и Жерне в связи с *basanos*, поскольку оба они, как и почти все другие исследователи, считали слово τροχισθεῖσα (Antiph. I. 20) указанием на процедуру *basanos* в том смысле, что наложница была предана пытке с целью получения от нее имеющего правовую силу признания в виновности. Эта интерпретация слова τροχισθεῖσα здесь выступает одним из двух главных аргументов в нынешнем консенсусе, согласно которой она *de iure* была рабыней¹⁸. По причинам, которые здесь незначительно повторять, я считаю, что пытку, которой ее подвергли перед тем, как передать государственному палачу, лучше понимать как наказание. Хотя в ее истории многое предполагает, что она рассматривалась своим окружением как рабыня (и *de facto*, на мой взгляд, она была рабыней Филоней), другие аспекты ее истории противоречат подобному впечатлению. Если некий доброжелатель поставил бы перед магистратом вопрос о ее статусе и даже, вероятно, о ее праве защищаться в суде, аргументы, которые можно было бы представить по данному вопросу, разошлись бы между собой на расстояние между страницами 608 и 895 книги Липсиуса. Однако не оказалось такого лица, которое защитило бы ее гражданские права, и, оставляя в стороне впечатление, производимое другими источниками о драконтовском законе, достаточно взглянуть на разницу в обращении с ней и с мачехой, чтобы убедиться: с наложницей в неожиданном финале ее биографии, когда ее посчитали виновной в убийстве, обращались в лучшем случае совсем не так, как с женщиной, которая являлась родственницей гражданина. Каков бы ни был правовой статус наложницы, ее реальное положение не давало ей права на суд, которым пользовалась женщина твердо установленного гражданского статуса.

Случай, который приводит Липсиус из Аристотеля (Magn. Mor. I. 16. 2. 1188b)¹⁹, выявляет это процедурное различие еще более ясно. В нем присутствует женщина, давшая мужчине отравленный напиток, считая, что это приворотное зелье; это точно такое же преступление, как и то, о котором говорящий в речи Антифон-та (Antiph. I. 20) заявляет, что наложница, хоть и не была виновна в намерении убить, «получила достойное возмездие». Аристотель ничего не говорит о статусе этой другой женщины, и это ясный признак того, что она признавалась урожденной гражданкой. Как и наложницу, ее вначале считали виновной в умышленном убийстве; но, в резкий контраст с наложницей, по этому обвинению она предстала перед судом Ареопага, который оправдал ее на том основании, что роковой исход ее действий не был ею предумышлен (διότι οὐκ ἐκ προνοίας). С такой-то тщательной заботливостью этот самый высокоуважаемый из всех афинских судов вел рассмотрение мотивов лиц, представавших перед ним. Также налицо и существенное различие, которое статус, реальный или предполагаемый, вносил в обращение с лицом, подозреваемым в умышленном убийстве.

предполагаемым убийством афинянина (хотя относительно статуса Герода есть некоторые сомнения), притом на территории подчиненного города. Далее, «правило», согласно которому в частных тяжбах показания принимались под пыткой только от рабов, хотя на него часто ссылаются в судебных речах IV в. до н.э., возможно, стало инвариантным правилом только в этом столетии. Антифонтовские свидетельства о *basanos*, — а они все относятся к последней трети V в. до н.э., — сильно отличаются по тону от позднейших свидетельств, так что предполагают менее стабильную стадию в эволюции данного института. См. Grace (Kazakevich) 1967, 97 ff.

¹⁸ Grace (Kazakevich) 1968, 39–41.

¹⁹ См. MacDowell 1963, 46 ff.

Нам не удалось ответить на вопрос, рассматривалась ли наложница Филонея в процедурном отношении как свободная не-гражданка или как рабыня. Ясно, что любая попытка ответить на него путем ссылок на аттический закон об убийстве или предусматриваемую им практику, либо же – если идти в обратном направлении – любая попытка восстановить аттические процедуры по отношению к убийцам двух рассмотренных категорий на основе того, как обращались с этой наложницей, неизбежно приведет нас к порочному кругу, где одно предположение базируется на другом, от него зависящем. В этой точке исследования, таким образом, речь Антифонта «Против мачехи» перестает быть полезной. Можно обратиться к рассмотрению того же вопроса по статусам, т.е. рассмотреть, какую информацию можно извлечь из иных источников на тот предмет, как отправляли под суд метека, «полного» иноземца и раба в случае обвинения в убийстве.

Литература / References

- Adkins, A.W.H. 1960: *Merit and Responsibility: A Study in Greek Values*. Oxford.
- Busolt, G., Swoboda, H. 1920: *Griechische Staatskunde*. München.
- Gernet, L. 1955: *Droit et société dans la Grèce ancienne*. Paris.
- Gernet, L. 1958: *Démosthène. Plaidoyers civils*. T. 2. Paris.
- Gernet, L. 1960: *Démosthène. Plaidoyers civils*. T. 4. Paris.
- Gernet, L. 1965: *Antiphon. Discours*. Paris.
- Gomme, A.W. 1950: *A Historical Commentary on Thucydides*. Vol. 1. Oxford.
- Grace (Kazakevich), E. 1967: “Word” and “Deed” in the Athenian Dikasterion. In: S.L. Utchenko (ed.), *Antichnoe obshchestvo [Ancient Society]*. Moscow, 96–104.
- Grace (Kazakevich), E. 1968: O konkubinate v Afinakh klassicheskogo perioda [Concubines in Classical Athens]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1 (103), 28–52.
- Грейс (Казакевич), Э.Л. 1968: О конкубинате в Афинах классического периода. *ВДИ* 1 (103), 28–52.
- Harrison, A.R.W. 1971: *The Law of Athens*. Vol. 2: *Procedure*. London.
- Hopper, R.J. 1943: Interstate Judicial Agreements in the Athenian Empire. *Journal of Hellenic Studies* 63, 35–51.
- Lewis, D.M. 1961: Notes on the Decree of Themistocles. *Classical Quarterly* 11, 61–66.
- Lipsius, J.H. 1915: *Das attische Recht und Rechtsverfahren*. Leipzig.
- MacDowell, D.M. 1963: *Athenian Homicide Law in the Age of the Orators*. Manchester.
- Maidment, K.J. 1941: *Minor Attic Orators*. Vol. 1. London.
- Morrow, G.R. 1940: *Plato's Law of Slavery in its Relation to Greek Law*. Urbana.
- Oliver, J.H. 1960: Reforms of Cleisthenes. *Historia* 9, 503–507.
- Ste Croix, G.E.M. de. 1961: Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire. *Classical Quarterly* 11, 94–112, 268–280.